

ЖИЗНЬ В БОЮ

К 70-летию Всеволода

Вишневого

В СЕВОЛОД ВИТАЛЬЕВИЧ Вишневский известен у нас и во всем мире прежде всего как автор пьесы «Оптимистическая трагедия» и сценария «Мы из Кронштадта». Это классика советского искусства.

Но им созданы и другие драматургические произведения. Он начал «Первой Конной», о которой маршал С. М. Буденный сорок лет тому назад писал, что «только пулеметчик Вишневский, боец Первой Конной... смог создать эту вещь... без выдумки, без прикрас, без ложного пафоса». Именно эта пьеса дала автору путевку в литературную жизнь. Она была подобна разорвавшемуся снаряду в сравнительно мирном течении театральных поисков и открытий.

Все, кто вспоминает первые появления Вишневого в театральных фойе и залах клубов (куда он приходил, чтобы ознакомить актеров со своей новой пьесой), подчеркивают его необычный, «неписательский» вид: военный морской китель, клеш... Читал он удивительно сильно, переживая до слез. Его внутреннее волнение, яростно сдерживаемое, поражало слушателей. Они сидели, затаив дыхание: перед ними разворачивались события, воссозданные писателем-бойцом, писателем-гражданином, человеком, который покорял своим темпераментом.

Его пьесы о войне, о героях, о боевых схватках, напряженных, классовых, общественных конфликтах производили сильнейшее впечатление.

Вишневский всегда убеждал — вот то главное, что можно вывести из суждений его современников. Убеждал — да; но побеждал далеко не всегда. Вторая его пьеса «Последний решительный» принесла не столько успех, сколько нападки кри-

тики, отчасти справедливые, но чаще надуманные. А между тем в ней были сцены (и это уже давно признано), великолепные по силе художественного воздействия. Я имею в виду эпизоды гибели моряков-пограничников заставы № 6.

...Шел 1930 год. И под впечатлением конфликта на КВЖД Вишневский написал о том, как встретили бы защитники границ внезапно напавшего на нас врага. Стоять насмерть — вот идея, вот то, о чем говорят эпизоды, посвященные заставе № 6. В пьесе гибнут все двадцать семь моряков-пограничников. Гибнут, но не сдают рубежа...

Так было в пьесе. А ровно через 11 лет до Вишневого, ушедшего на Ленинградский фронт, долетела весть о гибели двадцати восьми панфиловцев, стоявших насмерть под Москвой. Но только ли эти «двадцать восемь» повторили то, что предвидел Вишневский? Еще не зная о панфиловцах, писатель отметил в записной книжке от 30 августа 1941 года: «...Батальон подводников дал клятву не отступать. Держались три дня против двух-трех полков. Расстреливали противника с семидесяти пяти метров...». В записи от 8 сентября 1942 года есть скупые строки о героической защите Шлиссельбургской крепости Орешек: «...второй год удерживают ее бойцы — морская пехота и батарея. До противника сто восемьдесят метров».

Думается, что если искать литературному образу заставы № 6 аналогии, то жизненные факты станут массовой иллюстрацией.

Вишневский был необычайно чуток к героике в жизни. И он любил, умел писать об этом.

Писатель прошел пять войн — пять! Едва исполнилось ему четырнадцать, как он бежал на фронт — шла первая мировая война. Юный разведчик был три-

жды награжден за храбрость — георгиевским крестом и медалями... Вишневский участвовал в Октябрьском восстании вместе с солдатами резервной роты. При переезде Советского правительства из Петрограда в Москву был в охране поезда. Всю гражданскую войну провоял в отрядах моряков Волжской флотилии, в составе бригады бронепоезда. Украина... Крым... Бои против Деникина, банд Петлюры, Махно, Григорьева, Тютюника, десант в тылу врага против Врангеля... А потом гражданская война в Испании. Война против белофиннов в 1939 году. Великая Отечественная — Таллин, Ленинград и в завершение — Берлин! Еще в начале войны Вишневский сказал: «Русские дважды были в Берлине. Будут и в третий».

Он знал, предчувствовал, что схватка с фашизмом неминуема. Вскоре после «Последнего решительного» Вишневский пишет «На Западе бой», прямо указывая, откуда явится враг, гневно разоблачая фашистских головорезов. Пользуясь трибуной Первого съезда советских писателей, он призывал: «Пишите о хрустале, о нежности, о любви и прочем. Но при этом никогда не забывайте, что мы должны держать в исправности наше оружие и хорошо знать тот приписной пункт, куда надлежит нам явиться в случае необходимости».

В классовой борьбе, схватке двух идеологий нельзя

обойтись без жертв. Вишневский, участник пяти войн, и это знал хорошо. В своем творчестве он утверждает, что высокая трагедийность не противоречит искусству социалистического реализма. С большей силой его искания выявились в «Оптимистической трагедии». Пьеса явилась гимном торжеству и непобедимости идей революции.

Писатель с новых позиций, по-своему раскрыл в «Оптимистической» афоризм Пушкина: «Трагедия — венец поэзии». Все, что принесла сама жизнь, в пьесе достигло предельной напряженности и остроты: столкновения социальных групп, классовый антагонизм, крушение вчерашних верований и утверждение новых идеалов... Женщина и военный корабль — нечто несовместимое, если иметь в виду морскую традицию. Появление женщины, которая прибыла на корабль, где властвуют анархия и партизанщина, появление с полномочиями комиссара, с целью создать регулярный полк Красной Армии могло вызвать и вызвало бунт...

Их было мало тогда — коммунистов. Но вопреки всему комиссар создает полк, проявляя острый, блестящий ум, волю, увлекая личным примером, человеческим обаянием. Она гибнет, но из трагического финала пьесы Вишневого неожиданно сильно звучит мысль, что «и смерть бывает партийной работой». Эти слова возникнут в памяти не раз, когда во время и после Великой Отечественной войны живые вспомнят о мертвых.

Вишневский в драмах и сценариях, в прозе и публицистике выступает как пламенный борец и летописец своего времени. Как писатель не все увиденное и пережитое он претворил в художественные образы. В своих «Дневниках военных

лет» он подчеркивал: чтобы «спасти литературу будущего», надо уметь «жертвовать собой, своей душой, своими мечтами и литературными планами». Жертвовать «собою» и «литературными планами» он умел. Об этом и многом другом мы узнали из шеститомного собрания его сочинений, изданных спустя годы после его смерти. Узнали, как был придиричив к себе Вишневский, не публикуя до поры выношенную им эпопею-роман «Война»... Как необычайно интересны и смелы по мыслям его письма об искусстве, литературе! Узнали, какого высокого гражданского накала достигали его знаменитые радиоречи в осажденном Ленинграде. Какой разящей силой веет от его публицистики!

Вишневский входит в историю как один из крупнейших писателей. О нем — художнике и человеке легендарной биографии — пишут пьесы, критические исследования, очерки. Его именем называют корабли. В Москве, Ленинграде, Кронштадте есть «улицы Вишневого».

В «Оптимистической трагедии» ведущие говорят: «Публика. Наши потомки. Наше будущее... Интересно посмотреть на наше будущее...». Наше время и есть то будущее, о котором мечтали бойцы революции. Мы и есть те потомки, и мы ничего не должны утратить из завоеванного старшими поколениями революционеров, призваны умножать славные традиции и передать эстафету своим детям и внукам.

Г. КОРМУШИНА,
кандидат
искусствоведения.

УДОН
Москва

20 ДЕК 1970